Невеста проклятого дракона

Автор:
Мира Славная

Невеста проклятого дракона

Мира Славная

Новый враждебный мир, пугающая магия. Кажется, за мной охотится сама смерть, а единственный, кто может мне помочь, считает меня своим проклятьем. И вот еще: он – дракон.Фото для обложки с shutterstock.

Мира Славная

Невеста проклятого дракона

Глава 1

– Тс-с-с…

От этого шепота и горячего дыхания над ухом по коже побежали мурашки, отзываясь томительно сладко внизу живота. Теплые мягкие губы коснулись моих губ. Нежно, осторожно, пробуя на вкус, дразня и отступая. Я всхлипнула и потянулась следом, не в силах оторваться. Не так, не надо так…Обвила руками его шею, потянула к себе, ближе, еще ближе… Он хрипло вздохнул и впился в мои губы. Жадно, словно никак не мог напиться, и только выпив меня всю, смог бы утолить свою жажду.

Полоснуло желанием. Диким, первобытным, никогда неведомым раньше. Оно бурлило по венам, стучало кровью в висках, плавило тело. До слез хотелось чего-то, что мне мог дать только он, и никто больше… Дыхание смешивалось, его горячая ладонь гуляла по телу, то сдавливала, то слегка касалась, и каждое прикосновение вызывало мгновенные вспышки удовольствия. Ладони было мало, очень мало. Я изогнулась дугой, подставляя грудь, но ладонь скользнула мимо, сорвав разочарованный стон. Чужие пальцы оттянули резинку шортиков, нырнули под легкий шелк, погладили живот…

Эта сладкая пытка сводила с ума. Я требовательно дернула за волосы, он зарычал. На этот раз поцелуй был жесткий, грубый, такой, что губа треснула. Не целовал – клеймил, ставя печать собственника. Вкус крови, вкус его губ, его запах пьянили, тянули в темный омут, откуда одной не найти выхода. Горячие руки тискали грудь, пощипывая ставшие болезненно чувствительными соски, по-хозяйски скользили по телу, трогали, где хотели, сминая шелк пижамы. Кожа истончалась, плавилась, кололась тысячей иголок… Я парила, плыла в сладостном тумане, хныкая и желая чего-то большего. Поцелуи, похожие на укусы, опалили соски, прожгли дорожку от груди вниз, к животу. На секунду он замер, вцепился зубами в резинку шортиков и медленно потянул их вниз… Я со стоном приподняла бедра, чувствуя как покорно едет за его ртом скользкий шелк, как сменяется нежная шелковая прохлада почти нестерпимым жаром мужского дыхания, и этот умопомрачительно острый, яркий контраст гнет в истоме тело, унося из головы все мысли кроме одной: только не останавливайся, нет, нет… Низ живота свело сладкой судорогой, мир треснул, разлетелся на тысячи кусочков и наступила темнота.

* * *

…Будильник звонил бесцеремонно и надрывно, его дребезжащий звук буквально ввинчивался в мозг. Я застонала и поглубже зарылась в подушку, пытаясь удержать ускользающий сон. Обычно я снов не помню. Ну, снилось что-то и снилось, а что именно… Наутро в голове оставались лишь смутные образы, но этот… Он помнился до малейших деталей, до звуков и запахов, на редкость яркий и реалистичный. Настолько реалистичный, что тело до сих пор сладко ныло, словно с ним действительно проделали все то, о чем… Ой. Нет, нужно вставать, и поскорее выкинуть всю дурь из головы. Тем более, что будильник сам себя не выключит. Зная свою слабость к утреннему сну, я всегда ставлю это громогласное чудовище подальше от кровати. Так есть хоть какая-то вероятность избежать соблазна вырубить его и поспать еще пять минуток,

которые в итоге могут растянуться на час, а то и больше.

Я решительно вылезла из-под подушки, откинула одеяло и ошеломленно заморгала. Любимая пижамка сиротливо валялась в ногах, а я была абсолютно голая. Какой ужас… Мало того, что дожила до пикантных снов, так еще и принимаю в них самое активное участие! Все ясно, воздержание – зло, и мне нужно срочно найти себе кого-нибудь. Перебирая кандидатов во временные спутники жизни, я выключила будильник, бросила пижаму в стирку и залезла в душ. Теплые струи колотили по телу, в голову настойчиво скреблись подробности ночных эм… подвигов.

Да, мой сонный любовник был, несомненно, хорош. Не знаю, почему я так решила, совершенно не помня его лица. По-моему, я его вообще не видела, слишком неожиданно все… приснилось. Даже сейчас, когда я просто вспоминала этот сон, я чувствовала мужской пряный запах его кожи, его руки, скользящие по моему телу, смешавшееся дыхание, мое, его – не разберешь. Губы снова горели от поцелуев, между ног пульсировало, а внизу живота растекалась сладкая истома. Я охнула и включила воду похолоднее. Что со мной происходит?! Подобные сны я видела и раньше. Правда, никогда они не были настолько ошеломляющими. И откуда взялось странное чувство, что это именно мой мужчина, и только с ним все будет правильно и хорошо? Словно мне, как в каком-то гадании, лишь на мгновение показали суженого-ряженого, а потом ехидно спрятали. Мол, иди теперь, и ищи. Бред какой-то.

Рассердившись на себя за такие мысли, я решительно выкрутила кран с холодной водой до упора и несколько минут визжала под ледяной струей, пока из головы не вылетела вся та чушь, что в ней поселилась. Трясясь от холода и лязгая зубами, я выскочила из душа, замоталась в полотенце и пошлепала босыми ногами в комнату, оставляя за собой мокрую дорожку. Кровать нахально манила теплым одеялом, мягкой подушкой и обещанием приятных снов. Хотя бы на пять минуточек, только согреться… Нет-нет! Нужно собираться и бежать в универ. Иначе этот нудный Феоктист Игнатьевич съест меня живьем.

Может, позвонить и сказать, что я заболела? К сожалению, с Феоктистом Игнатьевичем этот номер не пройдет. У него хватит ума потребовать от меня справку от врача со всеми необходимыми печатями. Врача поблизости не наблюдалось, ни с печатями, ни без. Да и что бы он написал? Насмотрелась эротических снов и слегла в экстазе?! А пропущенную пару все равно потом отрабатывать. Индивидуально… Ни за что. Лучше затеряться в большой толпе.

Я решительно заправила постель, чтоб она меня не смущала, и подошла к шкафу. Постучала вешалками, перебирая не слишком богатый гардероб, и вытащила джинсы и блузку с кучей крохотных пуговок. Застегивая последнюю из них, почувствовала, как ткань неприятно трет плечо. Вот незадача… Но переодеваться было некогда, и я, схватив сумку, выбежала из дома.

Глава 2

Феоктист Игнатьевич внушал мне ужас.

Я прекрасно знала его предмет, учила его, как ни один другой, но почему-то всякий раз, когда на практических занятиях приходилось что-нибудь отвечать, впадала в ступор и мямлила что-то невразумительное. А он обычно давал мне понять, что ничего лучшего и не ожидал. И сверлил меня взглядом как-то не по-хорошему… Тяжело, зло. Будто я была в чем-то перед ним виновата, хоть и забыла, в чем.

Удивительно, но я точно знала, что как минимум две моих одногруппницы в него влюблены! Вот уж чего совсем не понимала! Ладно бы влюбились в преподавателя по зарубежке. Тот – красавчик, и не женат, и лет ему едва-едва исполнилось тридцать. Но Феоктист Игнатьевич – совершенно другое дело. Хотя… Неглупый, высокий, статный, с горящим взглядом… На этом его достоинства заканчивались. Лет ему было уже слегка за пятьдесят. Реденькие усы, неприятный смех и манера разговаривать со всеми так, будто они ничтожества, а он не понимает, какого такого чёрта приходится тратить свою жизнь на эти недоразумения в человеческом обличии. Его презрительное отношение сквозило в каждом жесте, в каждом взгляде, в каждом слове.

Он мне не нравился. А еще меньше мне нравилось то, что сейчас он стоял прямо передо мной и смотрел отнюдь не в глаза. Я нервно потерла плечо, физически ощущая жжение в том месте, куда был направлен его пристальный взгляд.

Впрочем, нет. Жжение в плече появилось ещё утром. Первый раз я его почувствовала, когда надела блузку, а это было задолго до того, как началась пара по ненавистной философии. Странно, вроде бы и не ударилась нигде, и

загорать перед сессией времени нет, а плечо пекло, словно я отлежала несколько часов под палящим солнцем.

Феоктист Игнатьевич неохотно отошел от моей парты.

Сегодня, вопреки обыкновению, он не зверствовал, не засыпал сложными вопросами и не задавал подготовить реферат на 50 страниц по теме, в которой нерадивый студент плавал. Наоборот. Он кружил по аудитории, рассеянно отвечал на вопросы, а потом неизменно останавливался напротив меня.

Если бы он не был Феоктистом Игнатьевичем, я бы даже подумала, что он внезапно воспылал ко мне какой-нибудь болезненной и неестественной страстью. Но все знали: Феоктист Игнатьевич совершенно равнодушен к студенткам. Те отчаянные девицы, которые на свой страх и риск решали это проверить, его предмет уже не могли сдать никогда.

Пары по философии тянулись для меня долго и раньше, но сегодняшняя побила все рекорды. Она стала воистину безразмерной. Я ерзала, потирала плечо, посматривала на часы, которые, кажется, остановились. Но ничто не может быть бесконечным. Наконец-то стрелка подползла куда надо.

И Феоктист Игнатьевич снова удивил: обычно он задерживал нас на половину перерыва, находя какое-то садистское удовольствие в том, чтобы не дать студентам успеть занять очередь в буфете. Но сегодня едва-едва секундная стрелка коснулась двенадцати, он всех отпустил.

Почему я не вышла вместе со всеми? Почему продолжала сидеть и бессмысленно копаться в своей сумке, словно потеряла что-то важное? Почему даже верная подружка Аленка не стала меня ждать, а убежала одной из первых? После я много раз думала над этими вопросами.

Но тогда это казалось таким естественным. У меня просто немного закружилась голова. Совершенно нормально не вскакивать в таком случае со скамейки, а буквально на секундочку закрыть глаза и перевести дыхание. И вообще, кому захочется толкаться у двери? Того и гляди в толпе спешащих за пирожками студентов кто-нибудь заденет ноющее плечо…

В общем, я замешкалась. А когда аудитория опустела, Феоктист Игнатьевич в несколько шагов подошел к двери и закрыл ее на ключ.

Я не могла поверить своим глазам. Это что сейчас было? Что, черт возьми, он от меня хочет? Почему мы заперты здесь вдвоём? Может быть, я сплю и вот-вот проснусь? А потом буду рассказывать Аленке: представляешь, какой бред приснился! К чему бы это? Точно завалит на экзамене!

Но пока происходящее не слишком походило на сон. Феоктист Игнатьевич так же стремительно, как шел к двери, приблизился ко мне.

– Неужели расцвела? – пробормотал он.

Странная фраза, совершенно неестественная в аудитории гуманитарного факультета, а не биологического. В следующее мгновение он сделал кое-что еще более неожиданное – рванул ткань моей блузки так, что она с хрустом разъехалась, а на пол посыпались пуговицы.

– Что вы делаете? – возмущенно закричала я и ахнула.

Моя нагота, возмутительный поступок преподавателя – всё это тут же отошло на второй план. Важным стало другое. На моем плече, в том самом месте, где всю пару сегодня горело и зудело, оказалось вовсе не пятно солнечного ожога. Там горела и сияла роза. Словно татуировка, которую ночью, пока я спала, какой-то искусный мастер выбил светящейся краской. Только эта картинка точно не была татуировкой. Ни один мастер не смог бы заставить выбитый на коже цветок колыхаться и шевелить лепестками.

– Вот уж не думал, что это будешь ты, – покачал головой Феоктист Игнатьевич. Но теперь было не так уж и важно, что он говорит и чем там качает. Куда важнее то, что я вижу своими глазами и чего не должно быть.

– Что это такое? – растерянно спросила я у Феоктиста Игнатьевича просто потому, что больше спросить было не у кого.

– О, ты узнаешь. Это ты точно узнаешь, – с недоброй усмешкой проговорил преподаватель и сильно стиснул плечо, где горел цветок. Я громко вскрикнула

от боли, и перед глазами все поплыло.

Глава 3

Я открыла глаза и не сразу сообразила, где я и как сюда попала. Впрочем, даже когда я приподнялась на локтях и огляделась по сторонам, ответов на эти вопросы не получила. Где? Понятия не имею. Небольшая каморка с каменными стенами, свет едва-едва пробивается из окошка под потолком, освещая довольно убогое убранство.

На комнату точно не похоже. Скорее, на монашескую келью или тюремную камеру. Темные каменные стены, я лежу на узкой кровати, а кроме нее здесь лишь небольшой столик и… Этот предмет заставил меня ужаснуться. Нечто, похожее на детский горшок, только большего размера и без жизнерадостных цветочков.

Я тут же вспомнила все, что предшествовало моему пробуждению. Пару по философии, странное поведение Феоктиста Игнатьевича, жжение в плече и расцветающая на нем роза. Роза! Я откинула одеяло и взглянула на себя.

Ни разорванной блузки, ни джинсов на мне не было. Пока я валялась в отключке, кто-то переодел меня в длинное мешковатое платье из довольно грубой ткани. Цветок! Я рванула платье вниз, но на плече ничего не светилось и не шевелило лепестками. Там вообще не было ничего, что указывало бы на странность, которую я совсем недавно наблюдала. И все-таки плечо продолжало болеть и гореть. Но это неудивительно: вместо цветка на нем красовались следы от пальцев. Все-таки мерзкий Феоктист Игнатьевич схватил меня очень сильно. Слишком чувствительная кожа – и вот, пожалуйста.

Мысли в голове путались. Где я? Он меня похитил? И если цветка нет – значит, тогда, в аудитории, мне все показалось. Ну да, ну да… А то, что преподаватель разорвал на мне блузку? Тоже показалось?

Я встала с кровати, босые ноги обожгло холодом камня. Кажется, никакой обуви для меня здесь тоже не предусмотрено. Надо выбираться. Я подбежала к двери.

А ручки-то изнутри нет! Дверь железная, с тяжелыми оковами. Да будь она хоть хлипкая и деревянная, выбить ее я бы тоже не смогла. Комплекция не та, единоборствами с рождения не занималась, так что силач с меня так себе.

Но шум-то создать я могу. Я изо всех сил замолотила в дверь кулаками.

– Феоктист Игнатьевич, выпустите меня! Меня будут искать! У вас ничего не получится. Меня найдут, а вас посадят! – истошно кричала я.

Толку от этого было ноль. Если я стучу по двери, то больно не ей, а мне. Быстро поняв, что ничего не добьюсь, а только покалечусь, я бросила это глупое занятие, упала на кровать и разрыдалась. Картина представлялась ясная. Ну, более или менее ясная.

Феоктист Игнатьевич, о котором все думали, что он равнодушен к студенткам, на самом деле маньяк. Он меня похитил и запер здесь. Это очевидно.

А раз счел нужным переодеть и поставить этот дурацкий горшок, значит, он меня здесь бросил не для того, чтобы я умерла от голода и жажды. Значит, появится, значит, придет. И тут уже можно будет надеяться только на то, что в его воспаленном маньячном уме нет идеи резать студенток с плохой успеваемостью ножом, пока они все не ответят.

В эту картину не укладывались две вещи. Первое – сияющий цветок на моем плече, а второе – как, черт возьми, он смог вынести меня из университета на глазах у всех?! Да стоило ему появиться на пороге аудитории с моей бездыханной тушкой на плече, к этому зрелищу было бы приковано внимание тысячи глаз! И то, если не считать инстаграм и ютуб!

В общем, чем дольше я думала, тем больше появлялось вопросов. А вот ответов, увы, не то чтобы не появлялось, – не предвиделось.

Когда я, обессилев от рыданий, закуталась в шершавое одеяло – единственное мое спасение от холода здесь, дверь тихо отворилась, и в комнату вошла девушка в таком же, как и у меня, мешковатом платье. Довольно юная, пожалуй, моя ровесница или немногим старше.

Ее нельзя было называть красавицей. Длинноватый нос, слабый подбородок, глаза маленькие, близко посаженные. Волосы забраны под платок, и потому открывается слишком низкий лоб. Нет, конечно, будь у меня с собой мой чемоданчик с косметикой, я бы и это непривлекательное лицо смогла сделать если и не красивым, то по крайней мере милым.

Но девушка, похоже, косметикой никогда не пользовалась.

– Где я? – спросила я у незнакомки.

Она не слишком вписывалась версию о маньяке. Хотя, возможно, у Феоктиста Игнатьевича имеется сообщница, или, например, он похищает девушек оптом, и тут есть возможности для карьерного роста.

Девушка приложила палец к губам, веля молчать, водрузила на стол краюху хлеба и поставила глиняную емкость, похожую на гибрид тарелки и вазы. Наверное, вода…

– Почему вы молчите? Где я? Скажите, что со мной! Что это за цветы? Мне страшно! Меня похитили?

Я в слезах подскочила с кровати, подбежала к девушке, ухватила ее за платье и хорошенько потрясла:

– Ну же, отвечайте!

– Зря стараешься, – раздался голос у меня за спиной. Знакомый голос, тот самый, – она все равно тебя не понимает. Боюсь, здесь никто тебя не поймет. И первый, кто увидит (если это, конечно, будет не несчастная монашка), сочтет ведьмой. А с ведьмами тут разговор короткий.

Феоктист Игнатьевич стоял в дверях.

Выглядел он странно. Если читал лекции и проводил практические занятия он в неизменном сером костюме и неброском галстуке, то сейчас был одет с вызывающей роскошью, впрочем, несколько гламурной… Длинный белый балахон, расшитый золотом и стразами, брутальным назвать язык не

повернется. В таком наряде не каждая звезда эстрады мужского пола рискнет выйти на сцену. А уж представить в нем нашего философа было практически невозможно.

Я разозлилась.

– Наряд невесты вам очень к лицу, – процедила я сквозь зубы. – Кто этот счастливец? Передайте ему мои поздравления.

Феоктист Игнатьевич рассмеялся своим противным смехом.

– Чего-то похожего я и ожидал. С чувством самосохранения у тебя явные проблемы. Думаю, пока обойдешься без объяснений.

Он окинул глазами комнату, увидел мой скудный паек на столике, подошел ближе, ухватил краюху хлеба и добавил:

– И без обеда. Советую обдумать линию поведения, чтобы не остаться еще и без воды.

Он вышел, и дверь холодно лязгнула. Я упала на кровать и подтянула к себе одеяло, потом, подумав, накрылась им с головой.

Все куда хуже, чем я думала. Феоктист Игнатьевич – не какой-то там стандартный маньяк. С маньяком можно как-то договориться. Но этот наряд, зашуганная девочка… Теперь ясно, я имею дело с опасной сектой. И зачем они меня уволокли и держат здесь, неизвестно. Понятно одно: вряд ли для чего-то хорошего. Надеюсь, они не практикуют человеческие жертвы. Впрочем, если тут приняты оргии с участием главного пахана, или как там у них в сектах это называется, – учителя? Гуру? – то лучше пускай принесут в жертву.

Казалось, у меня уже не оставалось сил на то, чтобы плакать, да и слез тоже, но я опять разрыдалась.

Глава 4

Я открыла глаза снова в той же каморке. Видимо, выбилась из сил и уснула. Сколько я проспала, понять было невозможно. Из узенького окошка пробивался все тот же тусклый свет – значит, был день. Но провалилась я в сон на несколько минут или проспала целые сутки, кто знает.

Голова гудела, но неясность моего положения беспокоила меня куда больше, чем какая-то там головная боль. Нужно было успокоиться и все обдумать. И составить, хоть какой-нибудь, но план.

Итак, что делать?

Возможно, получится договориться с девушкой, которая тут прислуживает? Она, конечно, сильно запугана, но уж точно не кажется монстром. Если найти правильные слова и не трясти ее за грудки, – кто знает, может, помощь придет именно оттуда.

Никаких других вариантов я придумать не успела. Двери лязгнули, и на пороге снова появился мой мучитель. На этот раз он сменил белый балахон на ярко-красный, такой же расшитый и претенциозный.

– Смотрю, первая брачная ночь удалась! – не удержалась я.

Он никак не отреагировал на этот выпад.

– Вижу, ты отдохнула. Надеюсь, не проголодалась.

То слово, которым я назвала его про себя, вслух повторять не стану.

Он вошел в камеру и потянулся к моей руке, а в следующее мгновение на запястье с громким щелчком захлопнулся браслет. Металлический, с крупными стекляшками, на мой взгляд, несколько безвкусный.

Странная идея: сначала нарядить меня в платье из мешковины, а потом попытаться исправить ситуацию дешевой побрякушкой.

– Идем со мной. Не вздумай убежать, последствия тебе не понравятся, – коротко проинструктировал он.

Как только мы вышли наружу, я увидела довольно широкий коридор. Тот, кто это все построил, явно был повернут на старине: выложенные камнем стены, узкие окошки, картины с изображением людей в платьях-балахонах, похожих на то, в котором рассекал сейчас мой похититель. Довершали атмосферу факелы на стенах. Они горели каким-то чересчур ровным алым пламенем. Пламя это не колыхалось и совсем не давало дыма.

Я рассматривала окружающую обстановку совершенно не с целью полюбоваться местными красотами. Мне нужно было запомнить дорогу. Если я собираюсь бежать, знание того, как тут все устроено, будет очень кстати.

Из мрачного склепа мы выбирались по крутой лестнице с высокими ступеньками. А когда вышли на улицу, я ахнула. Мы оказались в прекрасном саду с экзотическими деревьями, огромными благоухающими цветами и крупными бабочками, которые порхали тут и там, совершенно никого не боясь. От яркого солнца и буйства красок я зажмурилась.

– Ни фига себе, – проговорила я вслух. – Где это мы, в ботаническом саду?

Впрочем, мой вопрос снова был проигнорирован.

Я обернулась. Здание, в котором меня держали, оказалось замком с высокими башнями, черными каменными стенами, и массивными, тяжелыми даже на вид дверями, украшенными удивительной замысловатой ковкой. Что-то я не припомню в нашем городе таких достопримечательностей. Куда же этот гад успел меня вывезти, пока я была в отключке?

Да… Похоже, рассчитывать на то, что меня быстро найдут, не стоит…

– Идем, не задерживайся, времени мало, – рявкнул Феоктист Игнатьевич, даже не подумав притормозить.

Кажется, местные красоты заставили его потерять бдительность. Он выступал на несколько шагов впереди и даже не собирался меня хватать и держать.

Очень опрометчиво!

– Да-да, иду, – сказала я и рванула вбок, чтобы скрыться в зарослях кустарников.

План был прост. Добраться до забора (наверняка он здесь есть!), перелезть через него и попросить о помощи у первого же встречного. В каком бы городе мы ни были, там обязательно должны быть люди.

Но не успела я сделать и пары шагов, как запястье, на котором красовался браслет, загорелось огнем. Я вскрикнула от боли. Мой похититель с улыбкой обернулся:

– Я же говорил, последствия тебе не понравятся. Иди за мной и не делай глупостей. За любое ослушание будешь наказана.

Я сжала зубы и поплелась за ним. Когда я отсюда выберусь, когда его все-таки поймают, а меня вернут домой, я придушу его собственными руками! Эта мысль немного успокаивала. Впрочем, в глубине души я понимала: если и раньше мои шансы на благополучный исход были минимальными, то с новым украшением они и вовсе стремились к нулю.

Дорожка привела нас к беседке, увитой прекрасными цветами. Там на столике стояли вазы с фруктами, кувшины с напитками и какая-то очень ароматная еда. Только сейчас я вспомнила, насколько голодна, и в животе заурчало.

Неужели Феоктист Игнатьевич действительно думает, что после всего, что случилось, достаточно романтического ужина, и я растаю, брошусь к нему в объятия и скажу: «Ах, возьмите меня полностью»? Ну, тогда он сумасшедший. Впрочем, он в любом случае сумасшедший.

Но мой похититель не повел меня в беседку, а указал на флигель из резного дерева, который так ловко прятался среди кустов и деревьев, что я его даже не заметила.

– Сиди там молча, не издавай ни единого звука. Выйдешь только тогда, когда я велю.

– Вот еще, – буркнула я.

И закричала от боли. Браслет снова обжег кожу.

– Я сказал, молча, – улыбнулся Феоктист Игнатьевич змеиной улыбкой и добавил: – Мне повторить?

Я потерла руку и понуро побрела к двери. Отвратительно вот так вот слушаться его приказов, но терпеть эту жуткую боль я не могла.

Он прикрыл за мной дверь и направился к беседке. Через тонкие щели в дереве я могла его видеть. Да уж, похоже, романтический ужин предназначался не мне, а кому-то другому. И раз уж мне приказано выйти «когда он велит», есть подозрение, что и я по какому-то глупому замыслу этого старикашки предназначена кому-то другому.

Дверь была прикрыта, но не заперта. Однако пытаться выбраться я не стала, а устроилась поудобнее в своем наблюдательном пункте, напряженно вглядываясь и вслушиваясь. Возможно, сейчас я узнаю хоть что-то о том, что, черт возьми, происходит.

Тот, кого мы оба ждали, появился скоро, спустя каких-нибудь минут десять. Когда я увидела его, то обомлела. Это был мужчина, молодой и красивый. Он словно только что вернулся с какого-нибудь средневекового косплея. Алый плащ, черный камзол, переливающийся на солнце, густые темные волосы зачесаны назад. Я почувствовала, как мне стало тяжело дышать.

Дело было не в том, что он красив, – мало ли я в жизни видела красивых мужчин – а в том, что в одно мгновение я поняла, увидела или до сих пор не ведомым способом почуяла, что никакой другой мужчина мне не нужен. Он был единственный, словно в эту секунду все остальные мужчины мира умерли.

– Приветствую вас, принц Эрдар, – Феоктист Игнатьевич ловко согнулся в поклоне, неожиданно глубоком для человека его возраста.

– Приветствую вас, верховный жрец, – сказал прибывший, и я поняла, что ничего прекраснее этого голоса не слышала.

Да что, черт возьми, со мной происходит? Что мерзкий сморчок Феоктист Игнатьевич добавил в воду? Знала же, что не нужно ее пить. Но выбор был или умереть от жажды, или пить что дают. Я выбрала последнее, и, кажется, сделала ошибку.

– Спешу вас обрадовать, я нашел ее, – голос верховного жреца прозвучал вкрадчиво.

Ее – это меня? Мерзкий старикашка притащил меня сюда для красавчика принца? Что ж, я готова пересмотреть свое к нему отношение… Хотя нет, все равно не готова, и задушу своими руками при первой удобной возможности.

– Можете оставить себе, – холодно ответил принц. – Моя свадьба – вопрос решенный, и вы никак не сможете это изменить.

Глава 5

От этих его слов сердце пронзила острая боль, ничуть не слабее той, обжигающей, от браслета, которую я испытывала всякий раз, когда хотела ослушаться похитителя…

Мысль о том, что у красавца в беседке вот-вот будет свадьба, причиняла неимоверные страдания. Я встряхнула головой, пытаясь отогнать непонятный морок. Ерунда же, полная ерунда, я вижу его первый раз в жизни – какая мне разница, на ком он там женится?!

Но хоть умом я и понимала нелогичность и неестественность своих страданий, слезы были готовы политься из глаз.

– Ну что вы, дорогой мой, разве так можно? Вам следует, по крайней мере, познакомиться с ней, прежде чем принимать решение, – голос Феоктиста Игнатьевича был таким уверенным, таким довольным, что его хотелось придушить.

Хотя в чем-то с ним сложно было не согласиться. Отказываться от меня, даже не удосужившись увидеть, как минимум неприлично.

Я снова мотнула головой, отгоняя глупые мысли. Что за чушь! Отказываться? От меня?

Почему я рассуждаю об этой ситуации так, будто бы вполне согласна с тем, что меня должны передать этому красавчику для каких-то там его нужд?

– Ксения, подойдите сюда, – повысил голос мой бывший преподаватель. Да, видимо, уже бывший.

Я осталась сидеть, и не подумав шелохнуться. Вот еще не хватало – выйти к принцу, когда он совершенно не хочет меня видеть и так ясно дает это понять. Вот с места не сдвинусь! Запястье обожгло, и я едва сдержала крик.

Да уж, когда у тебя на руке такое украшение, быть непослушной трудно. Но возможно. Я сжала зубы и стала терпеть боль. Слезы брызнули из глаз, но теперь это были правильные слезы. Лучше уж плакать от сумасшедшей боли в запястье, чем как идиотке рыдать из-за того, что какой-то ряженый не хочет тебя видеть. Это, по крайней мере, понятно и нормально.

– Ксения, – буквально проревел Феоктист Игнатьевич, – я требую, чтобы вы вышли!

Да хоть затребуйся! Я еще сильнее сжала зубы, с трудом сдерживая рыдания. Запястье горело так, будто его жгли раскаленным железом. Терпеть эту боль становилось невыносимо, и я понимала, что еще немного – и сдамся, выскочу как ошпаренная из этого флигеля.

И тогда неизбежно предстану перед тем мужчиной как есть: растрепанная, в мешковатом платье, с распухшими глазами… Я чуть не взвыла от отчаяния: почему сейчас, когда меня терзает невыносимая боль, я вообще могу думать о том, какой он меня увидит?

Со мной точно что-то не так.

– Ну, достаточно! – хлопнул рукой по столу тот, кого Феоктист Игнатьевич называл принцем. – У меня хватает дел и без того, чтобы выслушивать ваши шуточки. Если у вас появится ко мне действительно что-то важное – извольте явиться во дворец сами.

Теперь, когда Феоктист Игнатьевич не кричал свое «Ксения, ну где вы?», боль не то чтобы прошла, но стала терпимой, и я перевела дух.

Думать о том, что непременно произойдет, когда этот мужчина покинет сад, мне и вовсе не хотелось. Маньяк, в лапах которого я оказалась, просто уничтожит меня…

В эту минуту ко мне стали возвращаться остатки здравомыслия. Что, черт возьми, я делаю? Почему не вышла, когда была возможность?

Кем бы ни был этот красавчик, на маньяка он точно не похож, и скорее всего он заберет меня отсюда и поможет вернуться домой, раз уж я ему самому не нужна. А потом пусть женится с кем там ему надо. Эта мысль снова вызвала острый приступ боли. Ничего, переживу!

Я ухватилась за дверь флигеля, чтобы выскочить, пока мой возможный спаситель окончательно не ушел, приоткрыла ее, и увидела такое, что просто потеряла дар речи.

Красавец быстрым шагом отошел от беседки, резко развернулся, и вот уже на месте мужчины махала крыльями огромная чешуйчатая тварь, похожая на дракона. Такого, каким его рисуют на картинках.

Чудовище раскрыло гигантские крылья, и те неожиданно легко подняли в воздух тело, которое, казалось, весило не один десяток тонн. Теперь я могла как следует разглядеть и его лапы с жилистыми пальцами, на кончиках которых красовались острые как кинжал когти. И его длинный, извивающийся в воздухе хвост, усыпанный шипами.

Словно красуясь, зверь сделал круг над садом, практически закрыв собою солнце. Только серебристые чешуйки сверкали, отражая лучи спрятанного светила. Было ощущение, что пластинки сделаны из какого-то сверхпрочного сплава. Плотно прилегая друг к другу, они образовывали своеобразную броню,

делая своего хозяина практически неуязвимым.

Тварь вытянула вперед длинную шею, которую венчала мощная голова и, громко хлопая крыльями, полетела прочь.

Я сделала шаг назад, в ужасе наблюдая, как эта громадина, переливаясь чешуей на солнце, улетает в неведомую даль.

Вот это да!

Или я сошла с ума, или мой преподаватель приволок меня сюда, чтобы скормить этой крылатой скотине.

А что? Дракон, пожирающий молодых девушек – этот сюжет так часто используется в сказках и книжках для взрослых, что почему бы ему не стать правдой?

Что только что сидело напротив моего похитителя? Какая-то удачная разработка ученых-генетиков или мутант, образовавшийся где-нибудь в районе с неблагополучной экологией? Я не знаю.

Но самое страшное, что ни бояться, ни ненавидеть это существо я не могла. Что-то внутри меня тянулось к нему так, что я прямо сейчас готова броситься вдогонку. Надо же, еще несколько часов назад я считала, что участь моя ужасна, и хуже быть не может. Как я была наивна! Я думала, что меня ждет лишь какое-то жалкое ритуальное жертвоприношение. Пф-ф-ф! Несколько минут страха, секунда боли – и все кончено.

А что делать со всем этим теперь, я даже не представляла.

Феоктист Игнатьевич ворвался во флигель с перекошенным от ярости лицом.

– Почему, черт возьми, ты не вышла, идиотка?

Мне хватило сообразительности не сказать правду.

– Я споткнулась, упала, – размазывая слезы по щекам, вполне натурально всхлипывала я. – А потом стало так больно, и я, наверное, потеряла сознание…

Звук, который издал мой философ, был похож на рык. И я отскочила. Кто знает, вдруг и он перекинется в какую-нибудь хищную тварь.

– Поднимайся, пойдём. Нужно придумать, как всучить тебя твоему жениху.

Я посмотрела на него с мольбой.

– Не надо, пожалуйста! Не нужно женихов. Я устала и хочу домой, отпустите меня! Я сама доберусь, ничего не нужно – только выпустите…

Феоктист Игнатьевич остановился, посмотрел на меня и расхохотался так, словно я только что очень смешно пошутила.

– Доберешься сама? Ну-ну, вот это ты молодец! – он заглянул мне в глаза, и взгляд его был полон холодной ярости. – Как ты думаешь, где ты сейчас находишься?

Глава 6

Эрдар торопился как можно скорее покинуть храм, боясь задержаться там хотя бы на минуту, боясь, что та, о которой говорит жрец, все-таки появится, и он ее увидит. А увидев, больше ничего не сможет изменить, и проклятие сбудется.

Он долго летел, не разбирая дороги, словно страх подгонял его. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы остановиться и спуститься на землю. Вовремя! Еще чуть-чуть – и залетел бы на территорию людей, то-то было бы крику. Эти дикари все еще боятся драконов и с ужасом ожидают, когда те явятся пожирать их девственниц.

Эрдар усмехнулся. Какая нелепая сказка, ее явно придумали строгие папаши, чтобы не пускать дочерей на драконью территорию. И в чем-то они были правы. Девственницам драконы находили куда лучшее применение. Особенно если те

были хороши собой.

Она здесь! Вот уж такого он не ожидал. Всякий дракон должен сам найти суженую. Эрдар свою не искал и был уверен, что этого достаточно, чтобы никогда ее не увидеть. Никогда. Не увидеть… От этой мысли сердце пронзило болью. Мог ли он подумать, что когда-нибудь будет прятаться от судьбы.

Эрдар упал в прохладную траву и погрузился в воспоминания.

* * *

Она была чертовски хороша, эта ведьма. Глаза как зеленые звезды, губы – как малина. В ней удивительным образом сочеталось то, что ему нравилось в женщинах. Впрочем, он был юн, и тогда ему нравилось в женщинах вообще все.

Смешливая, неглупая, она знала много историй, которые он готов был слушать бесконечно. А еще (это он выяснил позже) она была весьма умелой в ласках. Она словно захватила его в плен. В те дни он не мог думать ни о чем другом. Никакие занятия более не увлекали его: ни чтение книг, ни магические опыты, ни даже бои на мечах, из которых он любил выходить победителем.

Все это вдруг стало неважным, второстепенным, а важным было рано утром улететь из замка, отыскать ее домик на опушке леса, вытащить полусонную из-под одеяла и заключить в свои объятия. И не выпускать из них, пока они оба не обессилеют.

Долго ли так продолжалось? Пожалуй, долго. До того самого дня, когда ему пришла пора искать свою настоящую.

Весь его мир перевернулся в один день. Точнее, в одну ночь – ту самую ночь, когда она – его истинная – приснилась. И он задохнулся от восторга.

Никогда еще он не видел существа столько совершенного. Каждая ее черта была прекрасна, каждый изгиб ее тела был идеален. Она была настолько хороша, что смотреть на нее было больно, и слезы выступали на глазах.

Наутро он проснулся совсем другим. Свою подружку, с которой коротал дни, ему не хотелось и вспоминать. Теперь он увидел ее ясно и четко, словно с глаз спала пелена. Обычная деревенская девчонка. Он заметил то, чего не замечал все это время. Коричневые пятнышки от солнца, которые делали кожу рябоватой. Колючий взгляд из-под белесых ресниц. Пожалуй, слишком широкие плечи, но главное – неприятная манера говорить. Он не помнил, что бы хоть о ком-то она сказала хорошее слово.

Для него, наконец, открылось то, о чем все это время говорили друзья и наставники, которых он не хотел слушать. Эта девушка ведьма, она его околдовала…

Глупость несусветная, ни одна нормальная ведьма не станет тратить время на дракона. Его невозможно приворожить! Что ни делай с драконом, как только появится его пара, любая магия падет. Но эта ведьма оказалась слишком самоуверенной. Или слишком глупой. А как выяснилось после, еще и злопамятной.

Она появилась на его пороге спустя несколько дней после того, как он перестал навещать их избушку. Прошла в его покои никем не остановленная. Все-таки это была сильная ведьма, хоть и молодая. Но даже сильной ведьме не все под силу.

Например, покорить сердце дракона. Он увидел ее и снова удивился: чем могла его увлечь такая, в общем-то, заурядная женщина.

– Ты бросил меня, дракон, – швырнула она в лицо обвинение.

– Ты приворожила меня, ведьма. И чары рассеялись. Вини только себя.

Недобрый зеленый огонь загорелся в глубине ее глаз.

– Собираешься искать свою истинную? – с насмешкой спросила она.

– И найду ее, чего бы это ни стоило, – ответил он.

– Найдешь, – согласилась она. – И как только вы соединитесь, убьешь ее своей рукой, и никогда не простишь себе, и будешь горевать всю жизнь.

Словно молния рассекла воздух его покоев, а когда дым и огонь пропали, девушки не было на месте.

Эрдар сначала не придал значения ее словам, но придворный маг, покачав головой, сказал: проклятие есть, и оно сбудется. Теперь каждый сон, в котором ему являлась она, настоящая, кроме невыразимого счастья, приносил еще и боль.

И, в конце концов, Эрдар принял решение, которое далось ему тяжело: жениться на другой. Тысячи лет ни один дракон не совершал ничего подобного, даже те, чьи пары погибали, оставались одинокими. Но его-то пара жива, и рано или поздно они столкнутся.

Значит, он должен сделать так, чтобы было поздно.

Эрдар поднялся с травы и обернулся драконом. Нужно торопиться в замок, ускорить свадьбу, раз уж вездесущий жрец, торопясь приблизить трагедию, притащил в их мир ту самую.

Глава 7

Где я нахожусь? Отличный вопрос. А главное – по адресу.

– Не знаю. Откуда я вообще могу знать, куда вы меня притащили?! – рассердилась я. Наверное, с человеком, у которого в руках моя жизнь и пульт управления болючим браслетом, нужно было говорить немного приветливее. Но у меня не получалось. – Вот вы мне и скажите.

– Стало быть, то, что здесь летают драконы, тебя ни на какие мысли не навело, – теперь он улыбался ехидно, как на практическом занятии, когда удавалось поставить в тупик студента.

Вообще-то меня навело. Что-то я такое уже думала про генетику, которая, как известно, царица всех наук. Сразу после философии, конечно.

– Ты в другом мире, деточка, где все совсем не так, как в вашем. И твоя единственная надежда более или менее прилично тут устроиться только что помахала тебе крылом.

От воспоминания о мужчине, который вдруг обратился в дракона и действительно помахал мне крылом, сердце болезненно сжалось. Это чувство было настолько нелепым, что мне немедленно захотелось его скрыть, хотя бы и под сарказмом.

– А вы, значит, хотите, чтобы мы были вместе, несмотря ни на что!

– Совершенно верно. Считай меня чем-то вроде Купидона.

Представить Феоктиста Игнатьевича румяным малышом с крылышками и луком в руках не получилось ни в прямом смысле, ни в переносном. Абсолютно не верилось, что он вдруг ни с того ни с сего решил бескорыстно соединить два любящих сердца.

Но сейчас это волновало меня меньше всего, куда больше интересовало другое.

– А если я вообще не хочу здесь устраиваться ни получше, ни похуже? Я хочу домой.

– Тогда тем более тебе надо с ним встретиться, – пожал плечами Феоктист Игнатьевич. – Только он может выпустить тебя из этого мира, так уж тут все устроено…

Мой похититель хлопнул в ладоши, словно приняв какое-то решение.

– Значит так, собираемся и выезжаем. Летать… – он выразительно поднял глаза к небу, туда, где совсем недавно скрылся за облаками огромный дракон, – …мы не можем. Так что следует поторопиться, если хотим успеть до свадьбы.

При чем тут свадьба? Разве после нее он отпустить меня не сможет? Закончатся лицензионные права? Впрочем, разобраться в местном мироустройстве за пять минут вряд ли получится. А вот решить важный практический вопрос – вполне. Я посмотрела на свое платье, смахивающее на холщовый мешок из-под картошки.

– Может, в дорогу дадите мне что-нибудь поприличнее?

– В этом мире, деточка, нет ничего более приличного, чем одежда храмовниц. К тем, кто носит такие платья, даже разбойники проявляют уважение. Впрочем, если, конечно, в таком платье гулять одной ночью по злачному месту, а разбойник давно не встречал женщину… – он, казалось, задумался, – это тоже может быть опасно. А в любых других нарядах, вздумай ты, например, переодеться во что-нибудь такое, что нравится больше, в джинсы там, или платье из вашего мира, – всегда есть риск, что тебя сочтут за ведьму. И тогда твоя судьба предрешена. В отличие от настоящих ведьм, ты не сможешь защититься.

– Сожгут на костре? – недоверчиво спросила я.

– Могут, – легко согласился Феоктист Игнатьевич. – Но, скорее, придумают что-нибудь похуже.

– Мракобесие, – буркнула я себе под нос, чем снова вызвала приступ смеха.

– Ну, что поделать… Так устроен мир.

Да-а-а, пока все, что я слышала об этом мире, мне не нравилось. Совсем. Драконы, ведьмы, разбойники… Крылатая тварь, которая меня знать не хочет и от которой зависит мое возвращение домой. И жрец, который меня похитил, напялил на меня орудие пыток, а теперь вдруг оказывается единственным, кому до меня вообще есть дело.

Как бы ни был плох этот мир, мое положение в нем оказалось еще хуже…

– Зачем вы меня сюда притащили? – жалобно спросила я у Феоктиста Игнатьевича и тут же осеклась.

Явно то, что произошло, было не в моих интересах, а в каких-то его собственных. Стоит ли пытаться разжалобить того, кто считает меня игрушкой в своих руках?

– Затем, что оказаться здесь – твоя судьба, – неожиданно серьезно сказал Феоктист Игнатьевич. И сейчас он уже не был похож на преподавателя.

Должность жреца, как ни странно, подходила ему куда больше. – А моя забота – неукоснительно следить, чтобы предначертанное свершилось.

– И для этого надо было запирать меня и морить голодом?

– Ничего личного. И я повторю это еще не раз, если понадобится.

М-да. Кажется, поводов для оптимизма у меня нет вообще.

Жрец посмотрел на меня, словно раздумывая о чем-то, а потом сделал приглашающий жест в сторону того самого стола в беседке:

– Подкрепись перед дорогой.

Глава 8

На этот раз я воспользовалась приглашением Феоктиста Игнатьевича. А что, если уж меня собираются куда-то там везти, я должна быть полна сил. Тем более что еда была действительно вкусной.

Сам верховный жрец куда-то скрылся, но испытывать судьбу, пытаясь сбежать, я не решилась. Во-первых, сильно сомневалась, что смогу удрать далеко с таким-то украшением на руке. Во-вторых, идти мне все равно было некуда. И я решила держаться Феоктиста Игнатьевича. Если только драконий принц может меня отсюда выпустить, то нужно ехать к нему. В конце концов, он же дракон, а не собака на сене. Раз у него уже есть невеста, то я тут точно не нужна.

Феоктиста Игнатьевича не было всего каких-то минут пятнадцать. За это время он успел переодеться. На сей раз, кажется, в мужское. Сейчас на нем красовались красные лосины, обтягивающие длинные кривоватые ноги, красные сапоги и балахонистая рубаха с пышными рукавами, спускающаяся почти до колен. Изумрудно-зеленый жилет на шнуровке, судя по всему, должен был подчеркнуть талию, но за неимением оной, просто обхватывал слегка выпирающий живот. Завершал образ берет того же изумрудного цвета, закрывающий одно ухо. Увидев все это великолепие, я подавилась смешком.

– А стилиста вам бы стоило поменять, – не удержалась я и тут же прикусила язык, ожидая расплаты.

Но кары не последовало. Видимо, мысли моего похитителя были далеко от меня. Он с тревогой косился на небо, где солнце уже начало движение вниз, предвещая наступление темноты.

– Я не могу ехать в одеяниях верховного жреца, – равнодушно сообщил он. – Разбойники точно не упустят возможности получить выкуп за важную персону. В итоге мы потерям время.

Схватив меня за руку, жрец потащил меня из сада с такой скоростью, что я еле успевала перебирать ногами, рискуя вот-вот свалиться в заросли цветов. А этого мне очень не хотелось. Во-первых, больно, а во-вторых – мало ли какая там пакость может водиться. А у меня на укусы аллергия. К тому же еще не хватало перемазаться. Я и так выглядела не очень в своем грубом платье. А появиться перед принцем еще и перепачканной… Вот уж нет. Он и в чистом-то виде меня лицезреть не хочет…

Феоктист Игнатьевич резко остановился. Я не успела вовремя притормозить и врезалась ему в спину. Именно поэтому я не сразу увидела… хм… приспособление, на котором нам предстояло отправиться в трудную и, судя по всему, опасную дорогу.

Выглянув из-за его плеча, я в ужасе рассматривала странную повозку на огромных деревянных колесах. Над простыми, тоже деревянными скамейками возвышалось что-то наподобие откидного верха. Я, конечно, могу ошибаться, но мне всегда казалось, что верховный жрец чего бы там ни было мог позволить себе карету получше.

Впрочем, самого жреца простенький вид транспортного средства не смущал. Он неожиданно ловко запрыгнул на повозку и протянул мне руку:

– Давай быстрее!

С его помощью я не слишком изящно вскарабкалась на повозку.

– А вы ничего не забыли? – с сомнением спросила я, усаживаясь на скамейку рядом с ним. – Лошадей, например, запрячь, или на ком вы там еще ездите?

Феоктист Игнатьевич не удостоил меня ответом. Вместо этого он прошептал какую-то абракадабру, и повозка неожиданно вздрогнула и сорвалась с места. Честное слово, сама по себе. И, надо сказать, довольно быстро.

Не прошло и пяти минут, как мы подъехали к высокому каменному забору. Массивная дверь при нашем появлении отвалилась, превратившись в мостик, ведущий через ров, заполненный мутной водой.

Стоило нам перебраться на противоположный берег, как дверь снова пришла в движение, с мучительным скрипом встав на свое место. А мы отправились в путь.

Феоктист Игнатьевич совершенно не обращал на меня внимания. Он сосредоточенно смотрел на дорогу. Возможно, управлял повозкой силой мысли. Ну или что там еще у него в голове. А я с интересом рассматривала окрестности.

Тем более посмотреть там было на что. Сначала наш путь пролегал через густо заросшие колосьями поля. Судя по всему, урожай хлеба здесь должен быть отменным. Колоски колыхались при каждом дуновении ветра, дружно склоняя тяжелые головы в одну сторону.

Пейзаж сменился спустя час. Мы въехали в дремучий лес, и тут же кроны деревьев заслонили от нас заходящее солнце, погрузив в сумрак. Все, что удавалось рассмотреть, это силуэты внушительных деревьев. Каждое росло здесь, наверное, лет пятьсот. Мне бы точно не хватило размаха рук, чтобы обнять даже самое тщедушное из них.

Дорожка, по которой мы ехали, становилась все уже и хуже. Да уж, проблему с дорогами и здесь не решили. Могли бы со своей магией хоть немножко заасфальтировать. Повозка тряслась как припадочная, я подпрыгивала на каждом ухабе, больно приземляясь на жесткую скамейку и чувствуя себя шейкером, в котором взбивают коктейль. К тому же начало холодать. Безопасное приличное платье не грело, и я с завистью косилась на жилет и беретку Феоктиста Игнатьевича. Вообще-то настоящий мужчина обязательно предложил бы даме что-нибудь накинуть на ее плечи. Но, похоже, у верховных

жрецов какие-то свои критерии настоящести.

Когда мы выехали на очередное поле, выяснилось, что наступила ночь. Дорога пошла ровнее, и я осмелилась выглянуть из-под купола. Всю округу заливал серебристый лунный свет. Огромный полумесяц окружали нереально крупные яркие звезды, которые висели так низко над головой, что, казалось, протяни руку, и дотронешься до них кончиками пальцев. Они причудливо плавали в черном бархате неба, собираясь в невиданные созвездия. В одном уголке я разглядела силуэт верблюда, в другом – кобры… Интересно, кто я здесь по гороскопу?

Возможно, мне удалось бы обнаружить еще парочку знаков местного зодиака, но небосвод снова заслонили верхушки деревьев.

– Самый опасный участок, – сказал Феоктист Игнатьевич, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. Он как-то сразу подобрался, и стало ясно: впереди действительно могут ждать неприятности.

Глава 9

Жрец снова забормотал какие-то заклинания, а я почувствовала себя ужасно беззащитной. Сила слова здесь, конечно, была побольше, чем в нашем мире, но я бы предпочла что-нибудь посущественнее. Ружье там, или пистолет. Ну, или хотя бы саблю, на худой конец.

Очень скоро темнота вокруг стала непроглядной. Понятия не имею, как эта странная повозка умудрялась не влепиться в какое-нибудь мощное дерево, которые в угрожающей близости от ее боков проплывали то с одной, то с другой стороны. Мы ехали в полном мраке неизвестно куда, и в абсолютной тишине, обступившей нас со всех сторон, не было слышно ни единого звука – ни шелеста листьев, ни стука колес, ни даже птичьего пения, отчего становилось невыносимо жутко. И вдруг эта тишина взорвалась молодцеватым залихватским улюлюканьем, вокруг замелькали непонятные огни. Феоктист Игнатьевич бросил бормотать заклинания и витиевато выругался. Повозка тут же рванула с такой скоростью, что я чуть не вывалилась из нее. Изо всех сил вцепившись в деревянную скамейку, я прислушивалась к звонкому крику, который звучал все

ближе и ближе.

– Ой, мамочки! – не выдержала я.

И тут же повозка резко затормозила, словно наткнулась на невидимое препятствие. Я слетела со своей скамейки и, больно ударившись животом о противоположную, свалилась на дно. Перед глазами плавали мутные круги, вдохнуть не получалось.

Где-то чуть выше прозвучал странный звук, как будто стукнули битой по хорошо накачанному футбольному мячу. Раздался стон, и рядом со мной грохнулось что-то тяжелое и грузное. Собравшись с силами, я закатилась под скамейку и затихла.

В этот миг повозку окружили факелы, и в их свете я увидела неподвижно лежащего на полу Феоктиста Игнатьевича. Жрец не подавал признаков жизни, его глаза были закрыты, берет слетел, а на лбу красовалась огромная шишка.

– Хорошо поработали, ребята, – довольно хохотнул молодой голос.

Сквозь щель между досками сидения скамейки я увидела черноволосого красавца, который удовлетворенно рассматривал повозку и распростертого в ней Феоктиста Игнатьевича.

– Ух ты, сапоги-то красные! – радостно взревели где-то рядом. – И одёжа добротная.

Бездыханное тело верховного жреца тут же осквернили, стянув с него всю одежду. Я зажмурилась от прискорбного зрелища и забилась как можно глубже под скамейку. В голове крутилась совершенно глупая и несвоевременная мысль: «Надо было и ему надеть платье храмовницы». Огни вокруг заплясали, один из факелов опустился недалеко от моего лица.

– Воро-о-он! – заорал голос, на этот раз сиплый, словно простуженный. – Тут еще и баба!

Я в ужасе распахнула глаза и встретилась взглядом со злобными маленькими глазками, в которых плескались похоть и предвкушение. Массивный лоб, выступающие надбровья и оскаленные в плотоядной ухмылке почерневшие пеньки зубов не предвещали ничего хорошего.

Над повозкой моментально нависла куча рож – молодых, старых, щекастых, скуластых… – и всех одинаково страшных. Воздух кончился, выдавленный запахом дешевого пойла и немытых тел.

– Глянь-ка, и впрямь баба…

– Че прячешься, сладенькая, выходи, не обидим…

– Чур, я первый!

– Лесной дух тебе в печень, а не первый. Я нашел, моя баба!

Я задрожала, сжалась в комок, стараясь забиться дальше под лавку. Уж не знаю, что там жрец говорил про ведьм, но встреча с разбойниками теперь казалась мне худшим, что только могло случиться.

Глава 10

В ту же минуту между ними возникло еще одно лицо, молодое и чистое. Черноволосый красавчик, видимо тот самый Ворон, внимательно оглядел меня и фыркнул:

– Разуйте глаза, это не баба, это храмовница. Тронешь ее – и век удачи не видать.

Разбойники недовольно заворчали и отступили в тень. Какая хорошая примета! Мне оставалось только возблагодарить этот мир за такие удачные суеверия.

– Вылезай, – сказал мне Ворон и, похлопав по скамейке, добавил: – Сиди тут.

Ослушаться его я не посмела и выбралась из своего укрытия.

– Здравствуйте, – зачем-то сказала я, усаживаясь на жесткое сидение и расправляя платье.

Впрочем, внимания на меня уже никто не обращал. Разбойники отошли от повозки и, встав в кружок, начали разрабатывать дальнейший план действий. Я бы с удовольствием занялась тем же, но абсолютно ничего не приходило в голову. Убежать далеко в этом лесу мне бы все равно не удалось. Наверняка тут стаями бродят всякие волки и медведи. И уж с ними-то у меня не было ни малейшего шанса дожить до утра. Поэтому я только вслушивалась в разговор головорезов.

Всего их было человек десять. И все, как на подбор, огромные и страшные. Их главарем, судя по всему, был Ворон. Говорил в основном он. Остальные слушали, склонив лохматые головы.

– Завтра утром поедем в город. Загоним повозку и то, что взяли в прошлые разы. С храмовницей нас ни один гвардеец не посмеет остановить.

– До утра еще много времени… – осторожно сказал кто-то из верзил. – Отдай нам бабу… Удача – конечно, дело хорошее… Но и баба тоже неплохо.

А вот разбойники могли бы быть и посуевернее. Я напряглась и превратилась в слух. Что-то мне подсказывало, что последнее слово останется за этим самым Вороном. Но то, что остальные разбойники загудели, словно потревоженный улей, оставляло мало надежды на благоприятный исход.

– Ворон, уже два месяца баб не видели… Ну че с ней станется-то, а? Мы так, тихонечко…

Изо всех сил я надеялась, что это общество еще не доросло до демократии, где все решается мнением большинства. И мои чаянья оправдались.

– Нет, – спокойно сказал вожак. Но было в этом спокойствии нечто такое, что даже я вздрогнула, а ропот мгновенно стих. – Знаю я ваше «тихонечко». Те две девки после вашего «тихонечко до утра не дожили, не забыли? Доберемся до

города, хоть всех баб оприходуйте. Эту – не трогать, все поняли?

Он запрыгнул на повозку и сел рядом, не обращая на меня никакого внимания. Пробормотал несколько непонятных слов, и транспортное средство снова пришло в движение. Остальные залезли на лошадей и поскакали впереди, освещая дорогу факелами. Довольно скоро мы свернули в чащу. Ветки деревьев хлестали по лицу, но я стоически переносила все испытания. Через какое-то время дорога стала шире, а потом мы и вовсе выехали на широкую поляну. Навстречу нашей процессии высыпала толпа. О боги, сколько же их всего, этих немытых джентльменов удачи?!

Возле нескольких длинных шалашей, накрытых ветками деревьев, горели костры, над ними в котлах что-то булькало. Стояло несколько повозок, нагруженных до самого верха какими-то тюками. Добыча, видимо, которую завтра в город повезут вместе со мной. Если доживу…

– Отбой! – скомандовал главарь, и разбойники уныло разбрелись, ворча и бросая на меня красноречивые взгляды.

Наша же повозка поехала дальше и остановилась возле небольшой деревянной избушки в конце поляны.

– За мной, – сказал Ворон и спрыгнул вниз.

Я тоже спрыгнула и, стараясь не отставать, торопливо поднялась по скрипучим ступенькам и нырнула в дверной проем. А то ведь зазеваешься и все, здравствуй, ночь развлечений с лесными уродцами.

К моему облегчению, дверь разбойник тут же захлопнул, да еще и запер, лязгнув массивным засовом.

Ворон чем-то погремел, и через мгновение вспыхнула свечка. Ее неровный дрожащий свет выхватил из темноты кучу какого-то барахла за занавеской и две двери: одну справа, другую прямо, в которую мы и вошли. Это была комната, довольно просторная. У одного окна стоял грубо сколоченный стол, вокруг которого примостились деревянные лавки, у другого – массивная низкая кровать, тоже самодельная.

Больше в комнате ничего не было, разве что неподалеку от той двери, через которую мы вошли, обнаружилась еще одна, маленькая, точь-в-точь как в каморке папы Карло. Вот только золотого ключика у меня, увы, не было.

– Ешь, – сказал Ворон, выставляя на стол глиняный кувшин с треснутым горлышком и большой ломоть хлеба.

Разбойник привалился к стене, засунув руки в карманы. Не смея спорить, я села на лавку и вцепилась в предложенное угощение. Хлеб оказался черствым, зато молоко, которым была наполнена посудина, – свежайшим. Честное слово, в супермаркете такого не купишь.

Пока я ужинала, Ворон наблюдал за мной странным взглядом, заставлявшим нервничать. Так кот смотрит на мышь, прежде чем съесть. Правда, перед этим он ее не откармливает.

– Спать будешь там, – мрачно скомандовал он, ткнув пальцем в кровать. – Перед окнами голая не разгуливай, за дверь не высовывайся. Будешь слушаться – никто тебя не тронет, ясно?

Гостеприимно погасил свечу и вышел, закрыв за собой дверь.

При тусклом лунном свете я быстренько допила молоко и нырнула в постель. Судя по всему, матрас был набит сухой травой. Пахла она просто одуряющее, а еще кололась, проникая сквозь грубую ткань.

Не успела я подумать, что в таких условиях уж точно не засну ни на секундочку, как сознание отключилось и я погрузилась в сон.

Глава 11

Я не погрузилась в сон – я упала в него камнем. И почти не удивилась, что снова оказалась не одна – рядом с тем же незнакомцем, с которого всё и началось. На этот раз я его хорошо видела. Упрямый подбородок, четко очерченный рот, аристократический нос и непонятного цвета глаза. Темные, бездонные, не глаза

– погибель женского рода. Единственный мужчина, тот, кроме которого мне никто не нужен. Всё каким-то невероятным образом сложилось воедино. Эрдар – принц, дракон и мой ночной любовник. Да, именно он приходил ко мне тогда во сне, оставив на память розу на плече.

А потом отказался от меня. Тогда, в беседке.

Отказался… Вдруг и сейчас откажется, оттолкнет? Было бы очень обидно снова оказаться отверженной. Нет, так неправильно. В конце концов, это же сон! А во сне все может быть, как я хочу. Да-да! В жизни он может делать все что угодно, но над моими снами никто не властен. Даже драконы. И принцы.

– Ты… – хрипло выдохнула я. – Наконец-то…

Он так же молча смотрел на меня, но в глубине его невозможных глаз жарко полыхнуло что-то. В ответ по телу прокатилась волна возбуждения, сладко заныло внизу живота. Я облизала пересохшие губы и лениво потянулась, закинув руки за голову, медленно раздвигая ноги. Он не шелохнулся, но я почувствовала, как запястья и лодыжки словно невидимой петлей захлестнуло, пригвоздило к постели, не дернуться… Я сглотнула. От одной мысли, что лежу вот так – распятая, беспомощная, с бесстыдно раскинутыми ногами, и он может делать со мной все, что захочет… От одной этой мысли по жилам растеклось томительное предвкушение, а сердце забилось где-то в горле.

Его пальцы легли на запястье, заскользили вниз, словно изучая, узнавая. Покружили, едва касаясь нежной кожи в сгибе локтя, плавно спустились, провели по бокам, слегка задев потяжелевшую грудь. От сладкой пытки мутилось в голове, кожа горела, болезненно истончаясь. Горячие ладони легли на лодыжки, погладили и поехали вверх, сминая подол. На секунду руки пропали, и я всхлипнула от чувства невыносимой потери, заметалась по кровати.

– Тс-с-с…

Я открыла глаза и в качающемся мареве то ли увидела, то ли почувствовала, как его губы приближаются к моим. Наконец-то… Поцелуй был нежный и ускользающий, словно бабочка крылом задела. Я потянулась следом, не в силах оторваться. Он целовал меня снова и снова, сначала томительно неспешно, дразня, потом жарче, горячее. Его руки скользили по влажной коже, мяли,

тискали, задирали грубую ткань, пока все платье не оказалось сбито до подмышек. Мужские ладони накрыли грудь, жадный рот втянул ее вершинку, тело словно разрядом тока прошило. Я невольно скосила глаза и застонала. Вид моего порочно распластанного тела, голого, если не считать полоски трусиков, его смуглые руки на моей белой коже, и то, что он со мной сейчас вытворял – все это немыслимо возбуждало. Я выгнулась, подставляя груди для новых и новых развратных поцелуев. Желание разгоралось в теле, раскаленной лавой неслось по венам, стучало в висках, плавило кости. Под кожей вспыхивали и гасли искры, раскаленный воздух жег легкие. От бесстыдных поцелуев, прикосновений, от ощущения горячей мужской ладони, гладящей между ног, хотелось извиваться и кричать, но из перехваченного горла вырывались только вздохи и стоны почти болезненного удовольствия.

Секунды спеклись в минуты, минуты – в года, года – в вечность. Я плыла вне времени и пространства, в мареве желания, трепете прикосновений, огне объятий. Он не торопился, доводил до неистовства и останавливался, чуть отступал, и начинал сначала. Его запах, вкус его губ, желание, от которого почти больно. Наслаждение дразнило и ускользало, казалось, этой сладостной пытке не будет конца.

– Пожалуйста… Пожалуйста…

Слова выталкивались с трудом, я молила, уже толком не понимая о чем. И ответная сладкая тяжесть мужского тела, жар чужого дыхания на шее, стон, сорвавшийся с губ, распухших от поцелуев, блаженная наполненность, та, которой так не хватало. Ни прошлого, ни будущего, только сейчас, с ним, здесь… Перед глазами мелькали звезды, мир качался быстрее, быстрее. Воздух кончился, под кожей метались тысячи огненных искр. Еще несколько яростных толчков… Внизу живота словно что-то взорвалось. Я застонала и выгнулась, чувствуя, как тело прошивают нестерпимо-приятные судороги, одна за другой. Мир закрутился и навалилась темнота…

Что-то было не так. Определенно не так. Сквозь марево сна в нос лез запах вина и пота. Чужого пота. Руки, что жадно мяли мою грудь, тоже были чужими, совсем непохожими на руки моего дракона и очень, очень реальными…

Сон моментально слетел, я распахнула глаза. И в ту же секунду чужой влажный рот смял мои губы, язык проник в рот и требовательно задвигался внутри. Что происходит?!

Ворон! Разбойник… Суровая и опасная реальность, которая сменила сладкий сон.

Глава 12

Я протестующе замычала, чудом вывернулась и, скатившись с кровати, бросилась к дверям.

– О-о-о, детка любит, чтобы мужчин было много? – настиг насмешливый голос. – Уверяю, там куча парней, давно не видевших бабы. Они будут рады.

Замок был заперт, что совсем не удивляло. Но, может, и хорошо, что заперт, с одним-то разбойником проще договориться, чем с толпой. К тому же он кажется воспитанным. Почти… Я беспомощно обернулась:

– Ты же обещал!

– Я передумал, – Ворон по-прежнему валялся на кровати, лениво наблюдая за мной сквозь прищур. – Ты так сладко стонала…

– Неправда… – я покраснела так, что даже ушам стало жарко.

Он пошарил в постели и вытащил… трусики.

– Ты что-то потеряла, – он покачал их на пальце, втянул носом воздух. – М-м-м-м… Хочешь забрать?

Я помотала головой, лихорадочно соображая, что делать.

– Правильно, – ухмыльнулся разбойник и выразительно вильнул задом. – Нам они сегодня не пригодятся. Иди ко мне.

– Не надо, пожалуйста… – взмолилась я и твердо добавила: – Я не хочу!

– Мне плевать, что ты хочешь! – рявкнул Ворон. Добродушие и налет галантности слетели с его лица как маска, что велика на пару размеров. Он похлопал ладонью по кровати рядом с собой и скомандовал: – Сюда! Лучше по-хорошему.

Я незаметно огляделась. Комната хоть и большая, но спрятаться негде, отовсюду вытащит и… Разве что та маленькая дверь в двух шагах от меня. Куда-то же она ведет? Хоть в чулан с мышами, хоть в подвал с крысами, лишь бы изнутри запиралась…

– Храмовниц нельзя трогать! – напомнила я, потихоньку двигаясь к заветной двери и молясь, чтоб все получилось.

– Детка… – фыркнули с кровати. – Это сказочка для моих людей, чтоб не пытались попользоваться твоим сладким телом, – одним прыжком он вскочил на ноги и теперь подкрадывался ко мне: большой, опасный, чужой. – Во всяком случае, до того, как им попользуюсь я.

Ворон кинулся на меня и распял по стене, пытаясь поцеловать. Я дернулась, его рот оставил обжигающий след на моей щеке.

– Хочешь поиграть? – Ворон ухмыльнулся и похотливо двинул бедрами.

Я пыталась пнуть его коленом в пах, но он вовремя увернулся, расцепив на мгновение свои железные объятия. Этого было достаточно, чтобы я нырнула ему под руку и рванула к маленькой дверце. Стальная рука обхватила за талию и поволокла назад, припечатав спиной к его животу, и сквозь грубую ткань платья я почувствовала, как он возбужден. Боже, помоги мне! Его вторая рука жадно тискала мои груди, я брыкалась и царапалась, словно взбесившаяся кошка, потом изогнулась и наслаждением впилась зубами в разбойничье запястье. Ворон сквозь зубы выругался, протащил меня через комнату и с силой бросил на кровать. Я мгновенно с нее слетела и метнулась прочь, но споткнулась и упала на четвереньки. От боли в коленках дыхание перехватило, перед глазами поплыл красный туман, сквозь который услышала:

– Какой вид…Ты хочешь, чтоб я взял тебя именно так?

Он задрал подол платья, накинул мне его на голову и со свистом втянул в себя воздух. Мужская ладонь легла между ног, жадно щупая нежную плоть. Я дернулась и перевернулась на спину, он тут же навалился сверху и, перехватив мои запястья, прижал их к полу над моей головой, легко удерживая одной ладонью. Я отчаянно забилась в мешке из чертова платья, пытаясь сбросить насильника, отползти, забиться куда-нибудь в угол, а еще лучше просто исчезнуть.

– А ты горячая, детка… – хрипло выдохнули в ухо, – Давай, ерзай, это меня заводит…

Урод! Я изо всех сил мотнула головой, целясь в то место, откуда слышались звуки. От удара из глаз посыпались искры, в шее что-то хрустнуло, а эта скотина лишь выругался, ни на секунду не переставая меня лапать.

– Я буду кричать! – с ненавистью прошипела я.

– Ори, – чужое колено вклинилось между ног, разводя их в стороны, его ладонь грубо сдавила грудь. – Если хочешь, чтобы сюда ворвалось полсотни разгоряченных мужиков.

Я затихла, с ужасом осознав, что помощи ждать неоткуда. Разбойник сильнее меня, за дверями толпа таких же подонков, Феоктиста Игнатьевича может и в живых уже нет, а тому, ради которого меня сюда притащили, я не нужна. Эта мысль меня оглушила, и сквозь блаженное отупение, я чувствовала, как насильник задирает выше ткань платья, подставляя мои груди холодному воздуху. Одну из них он схватил горячим ртом, кусая и от этого распаляясь еще больше, в то время как рука жадно щупает меня между ног. Мне было все равно, лишь бы быстрее все закончилось…

Чужие зубы впились в сосок, боль отрезвила, вырывая из покорного оцепенения. Нет! Не позволю!

Глава 13

Я на мгновенье замерла, собираясь с силами и оценивая свои шансы. Мое недолгое оцепенение пошло мне на пользу. Рука, что стальным капканом прижимала к полу мои запястья, слегка ослабла, видно, Ворон решил, что жертва смирилась со своей участью. Он терзал своим ртом мои груди, сыто урча, словно кот, дорвавшийся до вожделенной сметаны, и совершенно не ожидал того, что случилось дальше. Я выгнулась дугой и, рывком освободив руки, моментально стряхнула подол с лица, изо всех сил вонзая ногти в наглую рожу разбойника. Он мотнул головой, но восемь глубоких кровавых полос украсили его щеки. Взвыв от боли и неожиданности, Ворон отшатнулся и залепил мне звонкую оплеуху

– Сука! – он замахнулся, чтобы ударить еще раз…

Этой доли секунды хватило, чтобы вывернуться из-под тяжелого тела и, откатившись в сторону, перевернуться на живот. Вскочить я не успела… Сзади больно дернули за волосы, рывком опрокидывая меня на спину. От удара о жесткие доски перехватило дыхание, из глаз посыпались искры. Ворон снова притиснул к полу мои запястья, грубо сжав щеки другой рукой.

– Начнем сначала, кошечка? – глумливо шепнул он. Я протестующе замычала. – Брыкайся сколько угодно, но больше не вздумай кусаться или царапаться. А то сорву с тебя все эти тряпки и голую выкину за дверь. Там сразу найдут, чем занять твой хорошенький ротик. И все остальное… Правда до утра от тебя мало что останется. Мне будет жаль.

С этими словами он жадно облизал мои губы и впился в них поцелуем. Я крепко зажмурилась.

В безвыходных ситуациях в нашем мире молятся. Какие боги управляют этим миром, я не знала. Но, видимо, привычка обращаться к высшим силам победила. В порыве отчаянья я мысленно взмолилась: «Помоги, помоги, помоги…». Был у моего послания и адресат. Уж не знаю, почему, но эта моя мольба была обращена к дракону. Только вот приходить наяву принц не торопился.

Ворон оставил в покое мой рот, и я почувствовала, как поперек живота вдавилось колено, прижимая меня к полу. Послышался треск раздираемой ткани, груди коснулся прохладный воздух. Разбойник издал довольный рык и навалился на меня всем телом.

«Помоги!»

Да все бесполезно! Никто меня не услышит, никто не придет. Из глаз потекли слезы, странным образом унося отчаяние, на смену которому приходила ярость. Что ж, пропадать, так с музыкой!

– Раздвинь ноги, – хрипло приказал Ворон, задирая подол моего платья.

Его рука надавила на низ живота, палец скользнул между плотно стиснутых бедер, бесстыдно терзая упругие складочки.

Я распахнула глаза и уставилась прямо в искаженное похотью лицо.

– Пошел к черту, урод! – с ненавистью отчеканила я, изнывая от желания впиться ногтями и разодрать в клочья эти мутные от вожделения глаза, этот кривящийся мокрый рот, всю эту мерзкую морду насильника. И он еще казался мне красивым?

– Достала, сладенькая, – прищурился Ворон и, оставив в покое мою промежность, с силой стиснул грудь, выкручивая сосок. Я вскрикнула. – Видно, хорошего отношения ты не понимаешь.

Его взгляд был страшен, ужасно страшен. Все, что было до этой минуты, показалось невинной игрой. Одним рывком он согнул мои ноги в коленях и широко расставил их в стороны. Я дернулась и забилась, но Ворон даже не заметил. Он тяжело дышал мне в ухо и с силой терся своей восставшей плотью о мою беззащитно распятую промежность.

От нестерпимого стыда и унижения я застонала.

– Вижу, тебе не терпится, – самодовольно прошептал Ворон и завозился, пытаясь стащить с себя штаны.

И в эту минуту я услышала странный шум за дверью. Он был похож на тот, который бывает, когда с силой трясешь половики. Только за дверью разбойничьей избушки, должно быть, выбивали пыль из ковров чудовищных размеров.

Звук приближался и нарастал. А на его фоне раздался еще один:

– Ах ты ж ё… – истошно завопил кто-то густым басом.

И тут же его подхватил хор других мужских голосов. Судя по тому, что я могла слышать, снаружи хаотично бегали несколько десятков упитанных мужиков. Причем кто-то из них периодически падал. И, судя по всему, со значительной высоты.

– Что за… – выругался враз протрезвевший Ворон и соскочил с меня, на ходу натягивая обратно штаны. Что застеснялся-то? Бегал и дальше бы с голым задом!

Воспользовавшись передышкой, я тут же постаралась подняться, одной рукой держась за шершавую стену, а второй пытаясь вернуть на место подол.

Вот ведь гад! Изодрал мое единственное платье. Юбка в нескольких местах порвана до самой талии, горловина располосована так, что скрыть грудь теперь можно только придерживая куски ткани рукой.

Ворон больше не обращал на меня внимания. Быстро остыл его любовный пыл. Да пусть он больше никогда к нему не возвратится! Ни с кем! Выглянув в окно, разбойник ошеломленно присвистнул:

– Дракон!

Я не поверила своим ушам. Он прилетел? Вот дела! Я в один прыжок оказалась у окна. Зрелище за ним разворачивалось захватывающе. Огромное чудовище, явно разъяренное не на шутку, отчаянно махало крыльями, сметая ими сразу по нескольку человек. Он разевал пасть, демонстрируя огромные зубы и длинный ярко-красный язык.

Разбойники кинулись врассыпную. Но дракон поднялся в воздух и, сделав один круг, спикировал вниз, схватив когтями сразу двоих. Поднявшись вверх на пару метров, он разжал лапы, и те с воплями полетели на землю.

– Так их! – я даже не пыталась скрыть своего ликования.

– Лесной дух ему в печень… – растерянно бормотал Ворон. В голосе только что храбро сражавшегося со мной разбойника слышался страх. – Драконам до нас нет никакого дела. Что этому-то тут понадобилось?

И пусть вопрос предназначался не мне, я ответила.

– Я его невеста!

Глава 14

За какую-то долю секунды на лице у Ворона промелькнула целая гамма чувств. Я читала их как в открытой книге. От «что ты мелешь, женщина?» до «вот же я вляпался!». Он легко поверил в то, что я – невеста. Ну как тут не поверить, если дракон, вот он, за окном свирепствует. Не просто же так он все дела бросил, чтобы в этом логове пошалить?

– Сразу сказать не могла, сука! – прорычал он. – Теперь мы все из-за тебя погибнем.

Из-за меня?! Вот уж дудки! То, что они погибнут – вполне может быть. Но моей вины тут точно нет! Это не я стукнула Феоктиста Игнатьевича по голове и не я пыталась изнасиловать беззащитную девушку, к тому же храмовницу. Так ему и надо! Теперь узнает, что у каждой, даже самой безобидной с виду женщины может найтись очень могущественный покровитель. Впрочем, для чего это знание мертвому разбойнику, увы, неясно.

Я совершенно определенно хотела видеть его мертвым! Слишком уж свежи были следы его похотливых рук на моем теле и неприятный привкус его поцелуев во рту.

Теперь мы с Вороном как будто поменялись ролями. Он – испуганная жертва, я – победитель. Ну, то есть, почти. Я и сама не знала, как отреагирует на меня дракон. Вдруг скользнет равнодушным взглядом и скажет: «А-а-а, так это она? А я-то думал! Сорян, братва, погорячился. Можете продолжать веселье!».

Мысль была настолько ужасной, что я снова сжалась в комок. Разбойник истолковал это по-своему.

– Еще и голая!

Он сказал это так, словно я сама в исступлении порвала на себе одежду!

– На вот, накинь! – Ворон бросил мне старое покрывало. – Прикройся.

Пыльная тряпочка, наверняка ни разу не видевшая воды и мыла за все время своего существования, не тянула на наряд для первого свидания с тем, кто предназначен мне судьбой. Но все же это было лучше, чем разодранное платье. Поэтому я накинула покрывало на плечи и тщательно закуталась в него.

Успела как раз вовремя. Потому что за дверью послышались шаги. Кто-то уверенной быстрой походкой поднялся на крыльцо и толкнул одну дверь, потом вторую… В дверном проеме показалась широкоплечая фигура. Дракон решил принять человеческий облик. Логично. Иначе бы он просто в избушку не влез.

Мизансцена, которую он застал, ему явно пришлась не по душе. На меня он даже не посмотрел. Но при взгляде на растерянного и побледневшего Ворона с расцарапанной мордой его глаза потемнели. Казалось, еще чуть-чуть, и он протянет руки и разорвет Ворона на миллион маленьких воронят.

– Я прошу прощения, – пытаясь сохранить лицо, бормотал Ворон. – Я все объясню… Я не знал, что это ваша баба… то есть девушка…

Глаза дракона сжались в две узкие щелочки. Стройное мускулистое тело напряглось, как у хищника, готовящегося к прыжку. И, тем не менее, он слушал этого разбойника. Неужели простит?

– А еще они убили Феоктиста Игнатьевича, – вставила я на всякий случай.

Думаю, принц имеет право знать об этом.

– Кого? – Эрдар как будто избегал смотреть в мою сторону.

– Ну… Жреца верховного, – поправилась я.

Действительно, в этом мире у моего несчастного преподавателя вполне могло быть другое имя.

– Где жрец? – глаза дракона метнули молнии.

– Жрец? – лицо Ворона сделалось белее муки, голос дрогнул. – Он был одет как обычный человек, мы бы не посмели… если бы…

– Отведи меня к нему, – голос принца звучал тихо. Но в нем чувствовались сила и властность. Ему уж точно не надо было срываться на крик, чтобы заставлять окружающих исполнять все его повеления.

– Конечно, обязательно, сию минуту, – выпалил разбойник.

Он направился к двери, но замер, не решаясь пройти мимо дракона. Тогда тот сам повернулся к выходу и спустился во двор. Ворон, как будто вмиг уменьшившийся в размерах, побежал за ним. Совсем как верная собачка. Если в кругу своих головорезов он был как наследный принц, то рядом с настоящим принцем смотрелся жалко.

Мы сели в повозку, и та, словно тоже почувствовала присутствие венценосной персоны, плавно, но рьяно тронулась в путь. Я сидела рядом с драконом и словно подпитывалась его уверенностью. Несмотря на то, что он ни разу не повернулся ко мне и не сказал ни слова, я знала: с ним я в полной безопасности.

Начинался рассвет, а в лучах утреннего солнца лес казался мне не таким страшным. Огромные деревья словно расступались перед нами, проявляя уважение к величественному седоку. И уж точно ни одно из них не стало лупить нас ветками по лицам.

Через несколько минут мы выехали на узкую дорогу.

– Вот, все случилось здесь, – обреченно сказал Ворон, когда повозка замерла на месте происшествия. Интересно, как ориентировался? Я бы точно не определила, где все это произошло. За ночь густая трава, притоптанная

накануне разбойниками, набралась сил и гордо поднялась вверх. Все следы были спрятаны.

Ворон молча кивнул головой на огромный дуб. Я присмотрелась и тут же почувствовала приступ дурноты. Возле дуба в некрасивой, неестественной позе лежало тело Феоктиста Игнатьевича в одних только кальсонах необычного покроя. «Дал дуба у дуба», – возникла в голове совершенно нелепая несвоевременная мысль.

Глава 15

В этот момент я простила Феоктисту Игнатьевичу все. Да уж, человек он был, прямо скажем, не подарок. И преподаватель из него так себе, да и жрец, судя по всему, такой же. Только и знает, что несчастных храмовниц запугивать, да пленниц голодом морить и браслетами мучить. А в довершение всего – привез невесту принца разбойникам на потеху, да и сам так нелепо погиб.

Я старалась не смотреть в сторону распростертого тела жреца. А вот Эрдар не терял ни секунды. Он спрыгнул с повозки, так что его плащ взметнулся вверх легким алым облачком, в два шага достиг дуба и опустился перед жрецом на колени. Он прижался ухом к его груди, пытаясь уловить признаки жизни.

Казалось, все вокруг замерло. Даже деревья боялись качнуть своими ветками, чтобы не помешать принцу слушать сердцебиение. Если оно было, конечно.

– Жив! – наконец огласил дракон результаты своего осмотра и наклонился к жрецу.

Он что, собирается делать ему искусственное дыхание? Именно сейчас я, пожалуй, готова была поменяться местами со своим преподавателем. Лучше бы меня приложили по голове чем-то тяжелым. Пролежала бы ночку здесь, в кустиках, на свежем воздухе среди душистых цветов. А разбойники могли бы вдоволь нарезвиться с Феоктистом Игнатьевичем.

Зато наутро меня нашел бы дракон, передо мной опустился бы на колени и коснулся своими губами моих. От мысли о том, что это могло бы быть не во сне, а наяву, сердце сладко замерло, а по спине побежали мурашки. Почти не дыша я смотрела, как принц замер над жрецом. Дракон был красивее, чем утренняя заря. Яркий багряный плащ распластался на изумрудно-зеленой траве. Темные волосы спускались почти до самых плеч мягкими волнами. Ресницы вздрагивали, кидая на четко очерченные скулы едва заметные тени.

Нет, кажется, искусственного дыхания не будет. Все-таки медицина тут какая-то другая, ненашенская. Принц медленно и тихо произносил какие-то слова. До меня долетали лишь обрывки странных фраз, но от вкрадчивого мягкого голоса мурашки устроили настоящий марафонский забег.

– Вставай! – приказал принц жрецу, как только закончил бормотать свои заклинания.

Тот вздрогнул, как будто его ударило током, и нерешительно поднялся, принимая сидячее положение. Он щурился и озирался, видимо, не понимая, как оказался здесь. Память к нему возвращалась постепенно.

– Девушка… Истинная. Она была со мной, когда напали разбойники… – в голосе Феоктиста Игнатьевича слышалась самая настоящая скорбь. Впрочем, мне не следовало обольщаться. Вряд ли он переживал обо мне. Скорее, просто опасался драконьего гнева.

– Она здесь, – сказал принц и сделал шаг в сторону. Он вообще был парень немногословный.

Феоктист Игнатьевич поднял глаза и увидел меня. На его лице отразилась такое облегчение, что стало даже как-то тепло на душе. Хоть кто-то рад меня видеть. Не то что этот дракон, который так и стоит ко мне спиной.

Мой суженый как будто специально избегал смотреть на меня. Ну да, согласна, я сейчас не в лучшей форме. Разодранное платье и старое покрывало, конечно, никому бы не прибавили шарма. Но я все-таки не на пуховых перинах всю ночь спала, а отстаивала свои честь и достоинство, на которые покушался это гадкий разбойник.

Ворон!

Кстати… А где же он? Думаю, сейчас самое время подвергнуть его суровому наказанию, чтобы впредь было неповадно обижать драконьих невест, да и любых беззащитных девушек.

Я обвела глазами лужайку, но разбойника и след простыл.

– Эй! – закричала я. – Ворон сбежал!

Но, видимо, никого, кроме меня, это не волновало.

– Кара его все равно настигнет, – отмахнулся дракон, внимательно вглядываясь по сторонам и все больше приходя в скверное расположение духа.

Конечно, настигнет. Уже настигла! Я довольно улыбнулась, вспомнив восемь кровавых полос от моих ногтей, украсивших наглую физиономию разбойника. И да, кажется, я его еще покусала. Жаль, что здесь не практикуют обязательные уколы против столбняка, с удовольствием бы посмотрела!

– И какого дьявола вас понесло по лесам таскаться? – прорычал дракон. Феоктист Игнатьевич что-то забормотал, но тот не стал ничего слушать. – Именно сейчас, когда и так куча дел перед свадьбой!

От этого уточнения где-то в районе солнечного сплетения гаденько заныло. Чувство было таким сильным, что разом перекрыло боль от синяков и ссадин, полученных в схватке с Вороном. И чего, спрашивается, было меня спасать? Занимался бы своими матримониальными хлопотами. Я с трудом удерживала слезы обиды. Не хватало еще разреветься здесь как дурочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/slavnaya_mira/nevesta-proklyatogo-drakona

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити